

Дарья Близнюк

Над маковым полем

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Близнюк
Над маковым полем

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Близнюк Д.

Над маковым полем / Д. Близнюк — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Они были странными вредителями. Антихулиганами. Непохожими на всех. Они были белыми воронами. Чёрными овцами. А всё потому, что они были счастливы. Содержит нецензурную брань.

Содержание

I Маноманы	5
Мэрилин Монро	5
Сальвадор Дали	6
Лохматый	8
Андерсен	10
Монолог Мерлин Монро	12
Хренов интеллектуал	14
Умберто	16
Купидон	18
Неприкаянная	20
Знакомства	21
TV	22
Сказки Андерсена	23
В Раю	25
Набоковская бабочка	26
Встреча офлайн	28
Из сердца вон	30
Кафка в комнате	34
Зверь 666	36
О дивный новый транс	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дарья Близнюк

Над маковым полем

I Маноманы

Мэрилин Монро

Мэрилин Монро умерла в тридцать шесть лет. Смерть наступила вечером, но тело обнаружили глубокой ночью. Официальная версия – самоубийство, передозировка барбитуратами. Мэрилин страдала депрессией и частыми приступами страха, но продолжала сниматься в кино и на фотосессиях. Это сейчас она любимица мужчин и мировой секс-символ с ангельским голоском, а раньше её презирали и травили. Осуждали. Мэрилин строила успешную карьеру и вела бурную личную жизнь, но умерла, когда ей было всего тридцать шесть лет...

Спустя шестьдесят лет в этот день стоит дивная погода. Солнце жарит, птицы галдят, как ненормальные. На Центральную площадь высыпает целая армия юных девиц в воздушных платьях, которые кокетливо прижимают их к бёдрам, едва ветер задирает подолы. Осветлённые добела волосы уложены крупными локонами, а над верхней губой у всех «мушки». Яркая помада, высокие каблуки и аккуратные стрелки. Все девушки называют себя Мэрилин Монро и хором скандируют: «Свобода-и-личное-время! Свобода-и-личное-время!» Глупые блондинки. Неудачные телохозяйки, боявшиеся превратиться в тупых растолстевших куриц, которых интересует только готовка, уборка и дети. Они надеются на признание, желают стать завидными красотками и самыми востребованными любовницами.

Кто-то хочет жить у моря, кто-то иметь идеальную фигуру.

Я – Мэрилин Монро, и я хочу иметь самую идеальную фигуру. Я – принцесса на диете. Я принимаю участие в самом большом параде, который только можно вообразить. Целлофановый воздух пронизывает зной, и на лбу выступают крупные бисерины пота, но я продолжаю улыбаться голливудской улыбкой известной кинозвезды и кричать вместе со всеми. Я – особенная. Я – уникальная. Именно меня ждёт самая удивительная судьба.

В ушах звучит странный писк, а по небу проходит лёгкая вибрация. Белый шум заполняет всё пространство, и никто не понимает, что происходит. Асфальт накаляется так, что собаки и люди спешат укрыться в тени. Голова трещит. Постепенно все краски густеют, воздух наливается мраком, и мир исчезает, словно по щелчку пальцев, оставляя вместо себя черноту.

Сальвадор Дали

Долговязый парень с выступающим кадыком и костлявыми руками внимательно изучает пустой экран телевизора. Ещё секунду до этого показывал бунтующих красоток, копирующих Мэрилин Монро, но внезапно вышел из строя. Наверное, опять не выдержал напряжения.

Вот уже несколько дней юноша не покидает комнаты и сосредоточено смотрит познавательные передачи, экстренные новости, комедийные фильмы и реалити-шоу. Время от времени их сменяет реклама. Реклама зимней обуви, реклама суши, реклама распродаж и бургеров с беконом всего за шестьдесят девять рублей. Рядом с ним на полу валяются смятые бутылки из-под «Кока-Колы», банки из-под консервов и упаковки от разных батончиков. Раздражённые глаза украшает красная сеточка лопнувших капилляров, а в комнате висит удушливая вонь тухлятины и пота. Сознание парня заторможено. Создаётся впечатление, что оно загружается, словно сайт порно-роликов при медленном Интернете.

Наконец, он приходит в себя, снимает прямоугольные очки в чёрной оправе и массирует переносицу двумя худыми пальцами. Какое-то время сидит в неподвижной тишине, словно только что вернулся домой после учёбы и завис при стягивании штанов. Секундная стрелка уже несколько раз успевает обойти циферблат. Поднявшись с грубого паласа, парень приближается к телевизору, хорошенько стучает по нему, но не получает ожидаемого результата. Раздражённо повторяет, но вновь никакой реакции. С тяжёлым вздохом хватается за волосы и выдыхает. Он явно расстроен. Он не может жить без вечерних программ и многосерийных историй. Не может лишиться боевиков с дурацкой озвучкой, музыкальных клипов и рекламы зимней обуви. Телевизор – самое дорогое, что есть в его жизни. Все эти цветные яркие картинки, звуки стрельбы, пестрота кадров стали такими же привычными и естественными, как дыхание. Его голова должна быть чем-то занята. Он не умеет думать без тележвачки. За любовь к изображениям виртуальные друзья прозвали его современным Сальвадором Дали. Или просто – Дали. Этот псевдоним незаметно прикрепился так, что все, кто знал его настоящее имя, уже не смогут его вспомнить.

Откопав среди груды мусора свой телефон и в той же куче найдя обмотанный зелёной изолентой шнур, край которого уже отходит и заполняется пылью, Дали ставит мобильник на зарядку. Кликнув на иконку с оранжевой нотой, выбирает самый заезженный трек и врубает музыку на предельную громкость. Заглянув в чат «Маноманов», добросовестно прочитывает все сто сорок три сообщения, что успели скопиться в его отсутствие, и строчит ответы Лоху и Андерсену.

Лох – его закадычный друг с длинными, вечно спутанными волосами и угревой сыпью, она покрывает не только лоб, но и щёки, за что парня нередко зовут Угревым. Но всё же «Лохматый» приклеивается крепче. Правда, потом сокращается до просто «Лох». Он болезненно худ, всегда имеет неважный вид и порванную одежду, постоянно ходит сонным, едва волоча ноги, шатаясь, как сонная муха, и не понимает шуток.

Андерсен производит впечатление приятного молодого человека из воспитанной семьи, отлично успевает по всем предметам и вежливо разговаривает с незнакомцами. Правда, непонятно, почему он вообще разговаривает с незнакомцами. В рюкзаке у него всегда лежат книги – каждый раз новые. Куда он деваает старые экземпляры, никто не знает. Андерсен редко высывается из своей тёмной комнатки, всё время читает и витает в облаках.

Дали мечтательно вынимает помятую фотокарточку из залитого газировкой кармана. На ней запечатлена вся их троица. Лохматый растерянно смотрит в объектив, словно застигнутый врасплох на горячем, Андерсен теребит в руках деревянный талисман, болтающийся у него на шее, а сам Дали смотрит в телефон так, что в его очках отражается мерцание дисплея. Чуть поодаль накренилось чахлое деревце. Под ногами растеклась радужная лужица. Дом с

облупленной штукатуркой скопился в их сторону, а растоптанные кроссовки утонули в сырой земле – в сером небе ещё оставались клочья туч, но угроза дождя уже миновала.

Лохматый

Белая пелена пара скрывает зеркало. Кожа кажется бархатной и чистой, но Лох знает, что это не так. Белое полотенце обёрнуто вокруг пояса, а мокрые волосы прилипают к щекам и плечам. В ванной комнате пахнет куревом и мужским шампунем от перхоти. Вскоре край махровой тряпки слизывает туман с отражения Лоха, размазывая по зеркалу водные дорожки. Костлявый парень чуть горбится и сближает лицо с таким же прыщавым. Разглядывает его и двумя пальцами выдавливает жирный угорь на лбу. Тёмно-жёлтый столбик резко выпрыскивается наружу, оставляя хозяина вполне довольным. Следующий угорь выходит длинной светлой струйкой, тоже принося этим Лоху немалое наслаждение. Умелые руки нащупывают приличный бугорок на виске и выжимают следующий прыщ. Эта процедура затягивается на добрые сорок минут, но Лох знает, что он может остановиться в любой момент, и решает выдавить последний угорь. После последнего следует самый последний. Далее идёт точно последний. Лох возится ещё полчаса, но знает, что может остановиться в любой момент.

Когда Лох оказывается в своей конуре, он неспешно натягивает полинявшую футболку оливкового цвета, шагает в трусы, находит более или менее опрятные штаны. Расчёска по-прежнему не попадает на глаза. Развалившись на диване, Лох самозабвенно закуривает и вспоминает Купидона.

Купидон – Бог любви. Купидон – хранитель счастья. У него белые волосы и какое-то детское выражение лица. Лоху нравится бывать у Купидона и приносить ему деньги. Лоху нравится Купидон и его лекарства.

Лох бездумно ступает по раскисшей грязи и пялится на облака, которые до неприличия напоминают роршаховские пятна. Слонов на фонтане. Медведей в цирке. Огромных бабочек, зайцев и других животных. Спустя сто восемьдесят три шага Лохматый уже трясётся в автобусе по пути куда-то, но точно не домой. Стекло грязное, и пейзаж выглядит серее обычного.

Вскоре парень вновь ступает на треснутый асфальт и по привычке держится выученного маршрута. Ларёк с мороженым. Вывеска с молоком «Простоквашино». Двор, окружённый старыми пятиэтажками. Дом Купидона. Подъезд Купидона. Нерабочий заплёванный лифт. Искривлённые почтовые ящики. Торчащие провода. Квартира Купидона на третьем этаже. Почти испорченный звонок. Четыре условных удара с длинными паузами. Лицо Купидона. Его горчичные штаны и бледно-розовая рубашка.

– Ну проходи, – приторно улыбается блондин и впускает Лохматого на порог, – можешь не разуваться, – бросает он уже из кухни, откуда возвращается с лекарством от меланхолии. – Держи, – мягко говорит Купидон, протягивая свою ангельскую пыльцу.

– Спасибо, – поспешно отвечает Лох охрипшим грубоватым голосом и суетливо выгребаёт мятые купюры из карманов ветровки, – вот, это всё, что у меня есть, – извиняющимся тоном признаётся и с надеждой впивается глазами в своего спасителя. – Этого хватит?

Страх отказа заставляет Лоха съёжиться и скосить глаза на запачканный линолеум. Следы подошв до неприличия напоминают роршаховские пятна. Слонов на фонтане. Медведей в цирке...

– О, детка, что за хрень? Не расстраивай меня, дорогуша. Мы же договаривались, что полторы за штуку, так? Ты больше ни у кого не словишь такого кайфа... – напущено дуется Купидон, растягивая каждое слово.

Создаётся впечатление, что он говорит через нос, но Лох давно привык к его выпендрёжам. Лох хорошо знает, что всё равно получит угощение, и потому разрешает своему готическому ангелу позабавляться. На самом деле в облике Купидона едва ли можно найти что-то готическое, просто Лоху нравится вешать красивые штампы, раскрашивая так свою пресную,

банальную жизнь. Ещё Лоху нравится щекотливое ожидание того момента, когда его ангел сломается и снизойдёт до него со своих сливочных небес. Ещё один штамп.

– ... Так и быть, – кокетливо хихикает Купидон, – сегодня твой папочка добрый. Держи, малыш, – повторяет он, вытягивая вперёд руку с зажатым между двумя пальцами маленьким конвертом из фольги, – только учти, что с этого момента ты посвятишь мне все свои мысли. Каждый день ты будешь вспоминать мою нахальное личико, каждый час будешь представлять мои успокаивающие таблетки и каждую минуту благодарить Богов, что знаком со мной и имеешь возможность погружаться в счастье так часто, как мочатся старики, страдающие недержанием. Усёк?

– Ага, – слатывает слюну Лох и бережно вынимает магические препараты. – Только это... – мнётся он, – стрелы у тебя есть?

– Стрелы у меня всегда есть, – отвечает Купидон.

Лох сидит на липком унитазе Купидона и наполняется космической тишиной. Руки расслабляются и разбухают, словно хлебные мякиши, брошенные в суп. Дыхание замедляется, и сама жизнь сбавляет скорость. Из унитаза струится яркий блестящий свет, заполняя весь сортир и сознание. Тело делается таким лёгким, словно вместо крови по венам несётся гелий, и из самого центра организма растекается тёплое пятно. Это пятно напоминает слонов на фонтане и медведей в цирке. Большой белый медведь катается на велосипеде и предлагает Лоху присоединиться. Только вместо ушей у него симпатичные аккуратные рога, а вместо хвоста – длинный стержень с перевёрнутым сердцем на конце. Вскоре Лох обнаруживает, что ноги его стали намного длиннее. Два метра мягких гибких костей и шёлковой кожи тянутся от фарфорового толчка и упираются в дверь. Это зрелище неожиданно смешит Лохматого, и он принимается звонко хохотать, словно влюблённый Сирин.

– Сердце счастливое, бейся! – весело трезвонит проносящийся мимо слон и удаляется в горизонт, превращаясь в крошечную муху.

Андерсен

– Сердце счастливое, бейся... – бормочет миловидный юноша, сгорбленный над томиком Есенина. По его сосредоточенному и в то же время рассеянному взгляду становится ясно, что он отключён от реальности. – Все мы обмануты горем... Нищий желает покоя... – шепчут его узкие губы, искусанные в кровь.

В затемнённой комнате валяются скомканные листы туалетной бумаги, кухонные салфетки и тетрадные страницы с корявыми чернильными узорами. Даже на обоях видны небрежные каракули, разноцветные стикеры и креативные наклейки в духе сюрреализма. В общем, типичный творческий беспорядок. На письменном столе возвышается стопка книг, и из каждой выглядывают импровизированные закладки: чеки, этикетки, визитные карточки, старые фотоснимки и всё, что считается плоским. Его виртуальные друзья знают, что он любит читать, но они даже не могут представить, насколько всё запущено. Насколько всё безнадежно.

Его увлечение литературой началось, когда родители подали заявление на развод. Нет, в их семье никогда не случалось скандалов, никто не окружал себя бутылками и не заводил новых партнёров для разжигания страсти. То бишь базовых причин для расставания не наблюдалось, но его самодостаточная крупная мама заявила, что больше не намерена прозябать в неудачном браке, а безынициативный папа, как всегда, не стал возражать командиру. Все формальные вопросы уладили тихо и быстро, так быстро, что маленький побочный продукт их брака не успел понять, когда, как и почему его мама бесследно исчезла, даже не потрепав его за щеку.

Сидя часами в одиночестве, он спасался телевизором, смотря всё подряд. Ролики с ювелирными украшениями уступали место «Модному приговору», детские мультики – женским сериалам, а псевдонаучные гипотезы – дешёвым страшилкам. Но идиолом всех каналов бесспорно была она – Реклама. Реклама преследовала зрителя везде, разрывала любой фильм и демонстрировала шаблонное счастье на пляже с кокосами. Реклама говорила, что ты получишь удовольствие только тогда, когда купишь универсальный еврочехол на диван, когда получишь модные кроссовки и перейдёшь на новый тариф.

Обычно все эти обещания проносились мимо ушей ребёнка, но одна фраза поймала его внимание и приковала к себе.

– По утрам надев трусы, не забывайте про часы! – зычно вещал диктор, улыбаясь отполированной улыбкой и вытягивая вперёд наручные часы «Rolex».

Что-то внутри мальчика отзывалось на его призыв и магнитом тянуло к метафизической идее, словно за ней стояло нечто больше компании «Rolex» и её изделий. За цифровой обвёрткой таилось что-то, что принято называть душой, и эта душа влекла за собой и хотела быть познанной. Разгаданной.

Позже Андерсен выяснил, что стихи принадлежали Андрею Вознесенскому, великому поэту XX века, новатору своего времени. Мальчишке непременно захотелось углубиться в его работы, копнуть глубже и сдёрнуть завесу тайны с искусства поэзии. Он лазил в Интернете, находя всё больше его стихов и фактов из биографии. Так ниточка глобальной паутины привела его к Пастернаку, от Пастернака – к Цветаевой, а от Цветаевой – к Ахматовой. От ярких строк у юноши захватывало дух, внутри взрывалось от восхищения, а восторг разлетался красочными конфетти. Резкость и угловатость Марины, траурные замогильные мольбы Анны и социальные песни Евтушенко плотно слились с повседневностью. Постепенно Умберто знакомился с другими культовыми фигурами: броский уличный стиль Рыжего разжигал возбуждение в животе, острая сатира Высоцкого рождала и улыбку, и негодование; уныние Белого настраивало на меланхоличный лад, любовная лирика Есенина наполняло сердце тихой скорбью, а пессимистичный вещизм Бродского окончательно превратил его в апатичного замкнутого человека.

Насытившись рифмой, Андерсен переключился на прозаические формы. Всё, что задавали в школе, было проглочено за считанные ночи. Вслед за русскими классиками потянулись писатели Запада. Перед глазами проносились сотни страниц Гюго, Гессе, Камю, Кафки, Фаулза, Паланика. Современная литература полностью перевернула его представление о книжном мире.

Так за романами и пролетели годы отроческой жизни, сделав Андерсена отстранённым наблюдателем и депрессивным подростком. Единственными товарищами были Лох и Дали, с которыми он познакомился благодаря виртуальной вселенной. Пару раз ребятам даже удалось встретиться, но из этого не вышло ничего путного. Интроверты испытывали только дискомфорт и страшно желали вернуться в свои панцири, забаррикадироваться в квартирах и уединиться с заменителями реальности. Так они и поступали.

Андерсена огорчали холод и жестокость города, монотонность будней и непросвещённость людей. Их легкомыслие, грубость и ветреность говорили о том, что в черепной коробке лежали одни мёртвые мыши. Андерсен считал их недостойными его высокой и нравственной личности. Общение казалось психологически токсичным, и потому парень редко выбирался в свет. Изнывая от тоски в четырёхстенной тюрьме, он стал упиваться горьким одиночеством, медленно угасать и таять, расстался с аппетитом, поссорился со сном. И лишь книги по-прежнему входили в арсенал употребления.

«Я Мерлин, я Мерлин...» – вслух шептал заключённый.

Монолог Мерлин Монро

Я героиня...

Я стою в аптеке и раздумываю, стоит ли брать прокладки. Вот уже два месяца у меня нет менструации, и потому трата денег кажется необязательной, однако привычка продолжает навязывать покупку. С одной стороны, я рада, что больше не приходится мучиться и ограничивать себя в мимолётных удовольствиях и дискотеках, а с другой – отсутствие месячных делает мою женственность более уязвимой. Немного поколебавшись, откидываю эту абсурдную мысль. Как женственность Мэрилин Монро может стать уязвимой? Ведь я – особенная. Я – уникальная. Я самая обаятельная девушка в этом грёбанном городе. Да весь этот грёбанный город всего лишь мой аксессуар! Вся эта жалкая Планета всего лишь мой аксессуар. Я неотразима. Я неотразима, потому что вешу всего тридцать семь килограммов. Теперь я влезаю в любое платье и могу, не стесняясь, носить шёлковое кружевное бельё. Сегодня на мне полупрозрачная юбка, под которой белеют ажурные трусики. Мягкие, миниатюрные, лёгкие, как паутинка, и манящие, как клубничный пудинг. Или шоколадное пирожное. Брауни. Шоколадное пирожное называется брауни.

Как же вызывающе смотрелись торты и свежиспечённые булочки в кондитерской! Они красовались на главной витрине. Их пышные бока цвели румянцем, какого давно нет у меня, и назойливо повторяли моё имя. Уж не знаю, как я попала в этот магазин, но выйти из него не могла несколько минут. Всё пялилась на бисквиты, печенье и молочный шоколад. На ватрушки с вишнёвым джемом. На улиток с маком. На слоёные черёмуховые пироги. Во рту собиралась густая слюна, а в желудке привычно сжимался узелок боли. Острой боли, заставлявшей сгибаться пополам и дышать маленькими порциями. Когда резь утихла, я буквально вылетела из этого садистского помещения с ясным освещением и улыбчивой толстозадой продавщицей.

Зато я похожа на всем известную актрису и влезаю в любые наряды. Я могу устроиться моделью и служить эталоном моды, задавать тренды и олицетворять современный стиль. Парни будут вырывать из журналов страницы с моим идеальным телом, прятать их под подушки, а вечерами доставать и изо всех сил мастурбировать, пока не видит мама. Постеры с моим счастливым улыбающимся лицом будут вешать на стены, заменять ими обои. На них будут глазеть дети и старики, смущаясь постыдного желания увидеть мой миленький клитор. Облизать мой миленький клитор. Кончить на мой миленький клитор. Кончить мне на спину. Ощутить мои пухлые губки на своём твёрдом члене. Всемирное признание лучше пары дешёвых конфет и горького шоколада с орехами.

Когда я возвращаюсь домой, не снимая изящных туфель на шпильках, падаю в кровать. Чувствую, как тяжело поднимается и опускается грудь. Ноги гудят от ходьбы, словно обошли весь грёбанный аксессуар. Остаюсь в постели на полчаса, чтобы отдохнуть и возобновить силы. Затем поднимаюсь, стягиваю с себя блестящую обувь, отклеиваю лейкопластыри с мозолей, выскальзываю из шикарного платья, снимаю украшения и ковыляю в туалет.

Правило номер 1: Никогда не взвешиваться в одежде.

Правило номер 2: Никогда не взвешиваться до туалета.

Правило номер 3: Взвешиваться каждые три часа.

После того, как миниатюрный водопад смывает нечистоты, с замиранием сердца становлюсь на весы. Закусываю нижнюю губу. Зажмуриваю глаза. Предвкушаю радость. Боюсь разочарования. Осторожно поднимаю накрашенное веко. На табло высвечиваются беспощадные цифры «37.6». По пищеводу катится камень обиды на весь несправедливый мир. Шестьсот граммов – это слишком много! Я же столько энергии потратила, шатаюсь по магазинам и пыльным дорогам! Я ведь даже не притронулась к клубничному пудингу!

Слёзы от невыносимой трагедии застилают глаза, а лживые весы врезаются в стеклянный шкаф. Слышу, как бьётся дорогой хрустальный сервиз. Ну и поделом этим проклятым тарелкам и раздражающим чашкам! Этим гжелевым капиллярам. Расписным блюдам.

Однако импульсивную волну гнева преследует сожаление. Ситуация необратима. Я испортила весы и засыпала весь палас осколками. Предки меня убьют. Я баба слабая. Я разве слажу? Уж лучше – сразу!

Хренов интеллектуал

Андерсен захлопывает сборник стихотворений и идет в кухню. Заваривает себе кофе. За окном налитые тучи, готовые в любой момент свесить прозрачные щупальца. Комната задыхается в темноте. Андерсен тоже. Его душит тоска. Чтобы хоть немного скрасить вечер, решает написать в чат.

Лох вышел из сети ещё вчера. Зато Дали, как обычно, залипает в бессмысленных группах. Наверно, если бы объявили конец света, он первым делом зарядил бы телефон, запасся гаджетами, как здоровые люди запасаются водой, сухарями и прочей нужной белибердой, и купил компактный телевизор.

«Привет» – кидает сообщение Андерсен.

«Привет, – тут же отзывается Дали, – чё делаешь» – судя по всему, спрашивает он.

«Кофе пью, в окно смотрю, – пишет Андерсен, – а ты?»

«телек зырю. Битву умов показывают»

«А думаешь о чём?» – для поддержания беседы интересуется парень.

«телек зырю» – вновь высвечивается текст.

«Ясно» – грустно хмыкает Андерсен.

Он не знает, о чём ещё можно поговорить с человеком, который не отличает своих мыслей от мёртвых мышей или стереотипных слоганов. Внезапно он чувствует себя невероятно одиноким и отрезанным от общества, в котором никто его не понимает. Не знает по-настоящему. Даже не видит. Никому нет дела до его первых стихов. Никто не замечает, как ему плохо. Ни один человек не догадывается, как ему отвратительно просыпаться, планировать день и проводить в тишине целые сутки. В глубине души он надеялся, что Дали оживёт, выйдет из транса и спросит его о прочитанном или хотя бы расскажет содержание увлекательной программы, которая стала дороже друзей. Только Дали не мог рассказать содержание. Он даже понять его был не в силах.

«Интересно хоть?» – не выдерживает Андерсен. Любопытство всё же одолевает справедливую обиду.

«не знаю. наверное» – прилетает ответ.

У Андерсена опускаются руки. Дали безнадёжен. Раньше он смешно шутил, отличался колким сарказмом и умел увлекательно рассказывать, а теперь весь его потенциал сошёл на нет. Телевизор победил его. Телевизор его украл.

«Ты что, не осознаёшь, как с каждой минутой становишься всё тупее и тупее? Как тебе эта реклама ещё поперёк горла не встала? Одумайся! Очнись!» – в горячем пылу гнева и желании побыть героем чирочит Андерсен. Когда ощущаешь себя в роли спасателя, всегда испытываешь приятный прилив самоутверждения.

«не тебе мне нотации читать. твои возлюбленные книжки тоже всякую муть пиарят. в них депрессняк один. ещё классика запустила моду на святое горе. вот теперь и ты, видимо, на это говно подсел, интеллектуал хренов!»

По началу Андерсена обуюло пылкое несогласие, мол, искусство придаёт жизни смысл, помогает выразить свои эмоции. Литературные произведения наделяют читателя опытом, поддерживают его, учат справляться с трудностями и всё такое. Он даже совершает пару ошибок, спешно тыкая по клавишам.

«ну да, ты ведь птица высокого полёта. я забыл» – кратко отписывается Дали. Что означают его слова? Неужели, поражается Андерсен, я действительно зазнался и настолько ослеп, что не вижу за обычными людьми их истории? Неужели попал в плен собственных убеждений?

«Прости, – пытается он загладить вину, – в чём-то ты прав. Я поразмыслю над твоими словами. Спасибо»

«ОК»

Отложив телефон и вылив остывший кофе, Андерсен озадаченно плюхается в кресло. Голова кипит и отказывается приниматься за работу. Кажется, Умберто готов заснуть, отключиться, упасть в обморок, но только не вести с ним диалог.

– Эй! – отчаянно кричит подросток, – ты не смеешь от меня скрываться! Я должен разобратся во всём!

Но Умберто игнорирует его просьбы и всё глубже прячется в извилистых коридорах. Умберто затыкает уши, подавляет любые реплики и отгораживается неприступными стенами.

Умберто

Он знает Андерсена с самого рождения. Он всегда за ним приглядывает, помогает в учёбе, выполняет поступающие задания и соблюдает бдительность. Он не ведает ни сна, ни отдыха, ни хотя бы мимолётного перерыва. Всего себя Умберто посвящает работе в огромной библиотеке. В ней возвышаются целые ряды полок, заваленные газетами, альбомами, виниловыми пластинками, книгами и прочими носителями информации. Нередко одно путается с другим, что-то бесследно теряется. С рассвета до заката добросовестный трудяга разбирает кипы бумаг, расставляет предметы на свои места, ищет старые данные и ведет беседы с Андерсеном. Они действуют сплочённо, но порой случаются и разногласия.

Как сейчас. Уловив смятение и лёгкое дрожание пола, Умберто понимает, что лучше поживее смотаться, отрубить всякие связи и не нарушать молчания. Он переживает, что всё им построенное, нажитое и возведенное в идолы может рухнуть, развалиться, как вера в Деда Мороза. Умберто просто не может этого допустить. Обесценивание моральных позиций чревато не только разочарованием, но и глубоким безвоздушным отчаянием. Ямой, из которой невозможно выбраться или хотя бы увидеть свет свободы. Свет надежды.

– Отзовись! Я уже ни в чём не уверен! – говорит Андерсен. – Неужели эти дурацкие романы на самом деле вредны? Неужели литература ничем не отличается от рекламных плакатов? Только вместо колбасы «Дёнер» она толкает в массы позицию, что страдания круты и элитарны?! Помоги мне! – паникуя, трезвонит юноша. Он взвинчен, обескуражен, обезоружен и открыт.

Умберто ничего не остается, как откликнуться на слёзы своего подопечного:

– Нет, – упрямо отрезает он, – всем людям необходима дозированная порция стресса, иначе бы они утонули в бытовой рутине. Не поддавайся софистическому мышлению массовой, – приводит доводы библиотекарь.

Слегка придя в себя и взглянув на противоречие со стороны, Андерсен чувствует под ногами твёрдую почву. К нему возвращаются трезвость и холодная рассудительность.

– Но Дали прав: ещё с XIX века запустилась мода на возвышенные мучения. Писатели втирают в мозги псевдо-мудрецам, что самоубийство превратит тебя в несчастную жертву, сломанную глупостью, равнодушием и Бог знает чем ещё! – опять кричит Андерсен, трясаясь от негодования. Он вспоминает «Тёмные аллеи», «Анну Каренину», романы Достоевского и прочих русских классиков. Всё его метафизическое тело пульсирует болью, сопоставимой с хлёсткой пощёчиной. Холден Колфилд предал его. Гарри Галлер тоже. Его предали все. – Ненавижу, – непроизвольно искривляются его губы. Кровь, словно лава, разносит по клеткам обиду и гнев вместо кислорода. Как он мог так обманываться? Не замечать подвоха? Как он вообще проглотил горькую наживку и попался на удочку? – Я столько лет потратил на эту пустую труху! Нет никакого искусства, нет никакой эстетики! Есть только одна жалость к себе и самобичевание! Почему все любят на раздавленных себя? – сокрушается парень.

Он рыдает и швыряет проклятые томики в мягких обложках, с яростью вырывая опасные страницы и комкая их, и принимается за следующую жертву. Спустя несколько минут злость вконец изматывает его и бросает на скрипучую кровать лицом вниз.

Так он и пролежал до самой ночи.

Какие должны происходить нейрохимические процессы, удивлялся Андерсен, если терпеть так невыносимо? Если хочется онеметь, оглохнуть и отгородиться от любых новостей, событий, мыслей?

Он покорно не шевелится и бездарно лапает глазами стену. За что ему хвататься теперь, чтобы удержаться и не кануть в бездну безнадёги? Зачем жить дальше? Ради чего? Смысл

опошлится и потерял былую привлекательность. Теперь перед ним зияет голый мертвецки белый лист.

Несколько бесцветных суток проходит с тех пор, как мировоззрение с хрустом перевернулось на сто восемьдесят градусов. Теперь Андерсен всё больше отдаётся пассивному наблюдению, лишь подчёркивая, что молодёжь всячески лелеет свои горести. Девушки плачут по безответной любви. Богачи ударяются в аскетизм. От скуки придумывают депрессию. Драма автоматически означает глубину личности и её силу. Считается, если ты весел и здоров, то неинтересен и банален. Даже глуп. Отныне он всячески будет избегать книжных магазинов – разносчиков смертельной эпидемии. Отныне он считает себя античитателем. Классикофобом. Горененавистником.

Но некий внутренний приглушённый зов продолжает исходить из недр его души. Или подсознания. Что-то неудержимо влечет его в свой старый мир, словно одна важная часть осталась в этом и никак не могла встать на место. Невозможно подавлять призвание, невозможно удерживать заложенную силу, и потому Умберто который день вынашивает дикую, неслыханную идею. И одним вечером, стоя под мягким пепельным небом, Андерсен, наконец, облачает смутные ощущения в слова.

– Я должен в корне изменить как прозу, так и поэзию. Переписать культовые романы. Запустить новый хит. Заставить Землю вращаться в другую сторону.

Не чуя себя от радости, парень нёсся в родную комнату, под натиском окрыляющего вдохновения, распахнув первый попавшийся сборник, принимается анализировать текст.

– У тебя всё равно ничего не выйдет, эта затея обречена на провал, – говорит Умберто, но воля не подчиняется смущению и отступлению.

– Ты дилетант. У тебя даже филологического образования нет, – говорит Умберто, но не переубеждает парня.

– Никто не станет читать твои глупые выдумки. Тебя даже не заметят. Тебе не удастся переплюнуть мастерство великих гениев. Ни черта ты не затмишь, – говорит Умберто.

И Умберто абсолютно прав.

Купидон

Лазерные линии чертят на пьяных лицах то красные, то зелёные узоры, сворачиваются в змеиные спирали и слепят покрашенные глаза. Пойло стекает по полуголым грудям, водка смешивается с тоником, а в ноздри проникает запах пота и дешёвых духов. Голова трясётся под энергичные толчки музыки, пульс подстраивается под качающий ритм, и всё тело насыщается дивным расслаблением. Своим опытным взглядом Купидон подмечает, как по залу кочуют пропитанные марки и разноцветные таблеточки. Как тайно перемигиваются патлатые парни. Купидон зорко отслеживает тех, кто подолгу торчат в туалете, а на танцпол вываливается, как сонная муха. Все гости приходится ему потенциальными покупателями, но только немногие могут стать реальными клиентами. Меньше всего ему улыбаются бедные сосунки, на чьих губах ещё не высохло молоко, а в карманах не водилось ни шиша, так что половину площадки он отшвыривает со скоростью пятьсот пятьдесят километров в секунду. К тому же, Купидону не шибко хочется стать жертвой своей смазливой внешности и заработать трехдневную боль в заднице.

Пробираясь в общей толкучке, блондин врывается в обнажённых тату-красоток, нарисованных на плечах и залитых испариной, на зелёных циклопов и прочих мифических тварей. Он уже намеривается подкатить к весёлой группке панков, как вдруг цепляется за одинокую худющую блондинку, сидящую за барной стойкой.

Выглядит девчонка, мягко говоря, измученной и растерянной. Взбитый кекс причёски больше походит на стог сена, а свободное платье с таким же успехом могло висеть на вешалке. Однако юная барышня, не теряя надежды, то и дело смахивает прядь волос и кокетливо улыбается, пытаясь хоть кого-то привлечь своим ангельским сиянием. Наверняка ещё, ухмыльнулся Купидон, вылила в рот половину освежителя дыхания. Несчастный покрашенный скелетик. Старое огородное пугало.

Немного постояв, парень, плюнув на громкую компашку, подсаживается к бедной Дюймовочке.

– Как тебя зовут, малышка? – стараясь перекричать музыку, спрашивает Купидон.

Малышка тут же меняет позу на более раскрепощённую, чуть подаваясь вперёд и, медленно облизывая верхнюю губу, говорит:

– Зови меня Мэрилин Монро, красавчик. – Выдыхает это так, что в её речи мерещится французский акцент.

Всё ясно, заключает Купидон, помешанная.

– Чего грустишь? – продолжает пробираться голосом сквозь электронный рёв диджейских пластинок.

– Тебя жду, – игриво хохотнув, помешанная девица, запрокидывает ногу на ногу. Только ноги больше смахивают на иголки, дряблая кожа лишена своей молодой упругости, и веет от неё лютой безысходностью.

– Слушай, Мэри, вставай-ка и топай ко мне, – поднимается со своего места Купидон и, не дожидаясь ответа, хватая свою новую знакомую за локоть. От него не ускользает тот факт, что Монро, судя по вспыхнувшим глазам, остаётся довольна грубыми командами партнёра. «Дура», – мысленно крутится палец у виска.

Когда они вываливаются из клуба, густая синяя ночь приятно окружает их свежей прохладой и окутывает тихими шорохами ночной жизни. Каблуки легко цокают по остывшему асфальту, плечи покрываются мурашками, дым от Купидоновой сигареты кружится в разряженном воздухе. Не хватает лишь сырости и запаха озона.

Несчастный скелетик пару раз спотыкается и хрипит от усталости, но Купидон не отличается тактичностью и не совершает учтивых пауз. Только досадует, что не скинул товар, и потому хмуро пялится в асфальтную крошку.

– Куда ты меня ведёшь? – деланно возмущается пугало, но реплика из любовной беллетристики не дотрагивается не то что души – даже ушей Купидона не достигает.

Вскоре перед ними вырастает ларёк с мороженым. Вывеска с молоком «Простоквашино». Двор, окружённый старыми пятиэтажками. И, наконец, дом Купидона.

Когда ключ гладко вписывается в замочную скважину и совершает несколько полных поворотов, Мэрилин мечтательно охает и напрягается всем телом.

– Прошу, – вежливо гаркает Купидон, пропуская даму вперёд.

Та, виляя чем-то вроде бёдер, проплывает в спальную комнату, заваливается на постель и по-хозяйски скидывает острые блестящие обувки, после чего, интригуящее покрутившись, приглашает хозяина квартиры к себе. Купидон, конечно, догадывается, чего от него ждёт эта маленькая проститутка, но подчиняться её сценарию не собирается. Вместо этого он достаёт из куртки пурпурную пилюлю и протягивает её современной Дюймовочке.

– Угощайся, пупсик, – сладко улыбается парень.

– А сколько в этой таблетке калорий? – интересуется Монро, даже не заботясь, чем её намерены пичкать.

– Глупышка, – растекается медовая улыбка, – эта таблеточка сделает тебя ещё стройнее, – обещает Купидон, и колесо тут же исчезает в паутине сложных хитросплетений женского организма.

Через минуту Мэрилин спит, как убитая, но, к удивлению, живая.

Неприкаянная

Тьма густая, словно тушь для ресниц. Сплошное чернильное озеро тьмы. Я липну в его вязкой жиже и не пытаюсь выбраться. Мне нравится всепоглощающая сила этого мрака. Внутри меня тёплая желейная консистенция, словно все кишки и органы взбили миксером. Носик щекочет чудный запах творожных сырков и бисквитных батончиков. Я неспешно погружаюсь в море собственных слюнок и, полностью нагая, плаваю в нём под лучами мармеладного солнца. От наслаждения опускаю ресницы, а когда снова поднимаю их, встречаю несколько криво наклеенных поп-плакатов. Девушку в очках-сердечках с Чупа-чупсом во рту. Взрыв жвачки с надписью «WOW». Доллары всех цветов радуги. В голове возникают ассоциации с комиксами и США. Моргаю. Моргаю ещё раз. После сорок второго моргания в дверном проёме появляется симпатичный блондинчик. Кто он? Как я к нему попала? Хочу сказать что-то возбуждающее, но вместо этого только мычу.

– Проснулась, Мэри? – приторно сверкает зубками он.

– Что между нами было? – слабо спрашиваю я, как советовали во всех гёрлжурналах.

– О, ты не поверишь, киска, – подмигивает блондинчик, оставляя меня в замешательстве. Никак не пойму, трахались мы или нет. Как бы не оплошать. Заглядываю под одеяло и разочарованно вижу сухие трусы.

– Чопорный балбес! – сквозь зубы бросаю.

Страх холодным мокрым гелем обволакивает конечности. Неужели я недостаточно привлекательна? Неужели всё ещё считаюсь гадкой толстухой?

– Где у тебя весы? – требую, забывая на туалет и одежду.

– Милашка, я такой дурью не занимаюсь. У меня нет весов. Ты уж прости, – мявкает этот самоуверенный ублюдок.

– Так достань их мне! – от злости плюю.

Почему он не врубается, что мне надо взвеситься? Что мне необходимо взвеситься?

– Давай этим займётся кто-то другой, – продолжает тупить белобрысый.

От негодования мой подбородок покрывается морщинами, а каллиграфические запятые бровей сползают к переносице. Кричу ему, что меня не волнует, кто этим займётся, и уже поднимаю с выпуклого линолеума каблук, чтобы запустить его в пустую черепушку, как вдруг раздаются четыре удара в дверь с безумно долгими паузами.

Знакомства

Лох стоит на пороге Рая. Своего личного, карманного Рая. Стучится в его ободранные ворота. Ждёт.

– Опять ты, голубчик, – тепло приветствует его Купидон. Вечно детское лицо. Вечно фарфоровые аккуратные руки. Целая армия штампов.

– Ты ведь не против, если я зайду? – спрашивает Лох. Купидон никогда не отказывает. Всегда выручает.

– Конечно, нет, – хмыкает ангел. – Только учти: у меня гостья, – предупреждает он.

Это заявление немного смущает Лохматого, делает его более робким и скованным. На Купидоновой кровати он видит размалёванное создание с серой кожей и отталкивающей худобой. Глаза кажутся невероятно огромными. Кожа проваливается в ключичные ямки, натягивается на плечах и обтягивает кости. Наверное, очередная посетительница Рая, решает он. Создание же ревностно косится на его тощую фигуру и критично осматривает себя.

– Слушай, красотка, надеюсь, ты не против, если этот неудачник здесь отдохнёт? – обращается Купидон к серой малютке.

Лоха нисколько не обижают его слова, даже наоборот – помогают сильнее ощутить своё «Я». Почувствовать себя более полным и живым.

– Это ещё кто? – фыркает девушка. Она явно озадачена.

– Безобидный малый – Лох, – представляет его приятель. – Меня можешь называть Купидоном. Работа у меня такая – любовь людям дарить, – поясняет он.

– Как романтично, – кисло произносит девушка.

– Лох, – бодро повышает интонацию Купидон, – можешь считать, что тебе повезло – перед тобой сама Мэрилин Монро! – торжественно и шутливо объявляет он.

– Ясно... – равнодушно кивает Лохматый. – Ты не мог бы быстрее... Меня уже слегка трясёт, – смутно намекает он и с облегчением ловит прилетевший пакетик с магическим сахаром.

– Спасибо, друг, – растроганно шепчет Лохматый и удаляется в ванную, где проводит самые восхитительные моменты своего самого никчёмного существования.

Лохматый оказывается в пустынной долине гейзеров. Земля табачного цвета крошится под подошвами. На небе нет ни одной облачной морщинки. Воздух сухой и наполненный вонью отходов. Тело парализует лёгкая истома, какая бывает после бурного оргазма. Словно услышав его мысли, природа тоже кончает одним из горячих паровых гейзеров. Молочного цвета кипяток с шипением устремляется в чистые небеса, а потом градом капель падает вниз. За ним извергается очередное отверстие, словно громадный фен. Словно налитой выпуклый угорь. Словно созревший гнойный прыщ. Лохматый восхищённо раскрывает рот и, не двигаясь, любуется игристыми фонтанами. Последний поток подхватывает его невесомое дряхлое тельце и со скоростью ракеты уносит к раскалённым звёздам. Те водят вокруг него хоровод, насыщают безмятежностью и поют отечественные послевоенные песни о солдатах и журавлях.

TV

«Солдаты не в землю нашу полегли когда-то,

А превратились в белых журавлей...

Журавли: русское качество, русская кровь».

Чётко и сердечно произносит Марк Бернес со сцены и встречает бурные овации, после чего на экране появляется бутылка водки. Дали опять заливает перед монитором, по которому беспрерывно крутят рекламу. Ничего нового. Ничего интересного. Чтобы внести свежую струю, Дали решается и переключает канал.

«Я сошью себе чёрные штаны

Из бархата голоса моего.

Жёлтую кофту из трёх аршин заката».

Чеканит Маяковский на фоне магазина с одеждой для ЛГБТ. Не найдя в этом и толики прелести или умиления, Дали нажимает на кнопку перехода. Теперь на экране Бог морей Посейдон с вилами и мохнатой бородой громко прославляет сеть магазинов «Водолей». Бог продаёт унитазаы и смесители. Забавно. Дали надеется, что за это ему платят достаточно.

Так, прямо на пёстром протёртом ковре под уютный рокот телевизора, заменяющего колыбельную, очкастого парня одолевает сон. Почему-то ему чудится стук метронома, невнятное бормотание про какие-то семьи и счастья, но это уже остаётся за бортом его сознания.

Сказки Андерсена

«Абсолютно каждая семья может стать счастливой, но счастливой по-своему» – строчит Андерсен, но дальше замирает и никак не двигается с места. Уже несколько месяцев он бьётся над реализацией своей безумной идеи. Юноша намеривается переписать все депрессивные произведения, входящие в список элитарной литературы, после чего уничтожить, сжечь, заблокировать, удалить любые издания. Тогда людям, полностью потерявшим мировые шедевры, ничего не останется, как согласиться заменить их на рукописи Андерсена. И уже все девочки и мальчики, все интеллектуалы и работяги поймут, что радость и беззаботность, блаженство и ответная любовь ничуть не глупее и не проще душевных драм и трагедий. Больше никто не станет чувствовать своё уныние, корить себя за улыбки и отказываться в удовольствиях. Никто не будет страдать от скуки. Никто не будет считать наркотики и сигареты крутыми. Мир сделается чуточку светлее и лучше. Мир хоть на микроскопическое расстояние да приблизится к абсолютной утопии. У Андерсена наивная вера ребёнка. Бедный Андерсен. Счастливый Андерсен.

Каждый день Умберто твердит, что бесполезно мнить себя Мессией и матерью Терезой, которой приспичило спасти всё человечество. Умберто твердит, что одному не справиться с таким объёмом работы. На неё и жизни-то не хватит. Порой он производит расчёты, сколько часов следует отводить на еду и сон, чтобы успеть переписать на новый лад хотя бы домашнюю библиотеку, и приходит к печальному итогу, что спать и вовсе не придется. Его выводы, словно встречный ветер, засасывают Андерсена в беззубый рот поражения и признания своей немощности, но цель слабым фонариком освещает путь.

Постоянно апатичные лица друзей только укрепляют в Андерсене стержень намерений. Но в то же время тоска товарищей удручает. В чём смысл этой регулярной писанины, если он не может помочь ближним? Недаром Библия гласит «Возлюби ближнего своего». Впрочем, и Священная книга утопает в крови, во грехе и в самоотверженных страданиях Христа. Мученика Божьего. Святого агнца. Зачем отдаваться, пусть и доблестному, делу, когда друзья сами нуждаются в поддержке? Вряд ли их спасут неумелые каракули.

Лёжа на экспрессивно мятых простынях и марая подушку мыслями, Андерсен, наконец, собирает мозаику воедино. Разгадка оказывается потрясающей. Сногшибательной. Очевидной. Обречённой на провал.

Хоть в два часа ночи положено спать и гоняться за кроликами, воодушевлённый парень заходит в беседу «Маноманов» и, отчего-то отчётливо зная, что Лох и Дали ни за какими кроликами не гоняются, отправляет срочное сообщение:

«Друзья! Без вас мне не справиться! Нужна ваша помощь! Есть важное дело. Приходите ко мне, всё объясню».

Конечно, не образец публицистического объявления, но завлечь должно. Андерсен считает текст довольно интригующим, да и человеческая психика устроена так, что стимулирует откликаться на призыв, дабы не оставаться в должниках. Ответ не заставляет себя долго ждать.

«В чём дело-то?» – прилетает весточка от Лоха.

«Написать, что ли, нельзя?» – поддакивает Дали.

«Ух, сатанюги! Сказал же, что только с глазу на глаз поговорим, – не сдаётся Андерсен, – так что подтягивайтесь завтра с утречка, а?»

«Дружище, – пишет Лохматый, – а если я не один приду?»

«А с кем это?» – удивляется Андерсен.

«С ангелами» – как-то размыто и чересчур пафосно отвечает Лох.

Андерсену ничего не остаётся, как разрешить приводить хоть ангелов, хоть чертей. Может быть, утешает себя парень, с ними сподручней будет, компания веселей окажется, да и процесс пойдёт плодотворней.

«Ну, тогда и меня ждите» – интересуется Дали. Не может же он пропустить снисхождение крылатых невинных божков.

В Раю

Как-то не стовариваясь, Мэрилин и Лох, словно подобранные с улицы котятка без ушей, хором приживаются у Купидона. Мэрилин больше не находит сил на хождение по кабакам, да и Лоха всё сильнее изматывают постоянные поиски денег и визиты к счастьедиллеру. Купидон же не умеет отказывать и всегда одаривает гостей сахарными улыбками и сладкими словечками вроде «пупсик», «малыш» или «детка». Правда, ему приходится купить весы и выделить подросткам свою кровать. К счастью, оба такими худые, что с лёгкостью уместились бы на одной полке в поезде. Самому Купидону приятно ухаживать за своими «детками», ему нравится заботиться о них и видеть себя в роли щедрого папочки.

Постепенно у них складывается своя рутина, свои ритуалы и традиции. Утро не может обойтись без взвешивания и слёз Мэрилин, приёмы пищи оборачиваются скандалами и долгими уговорами, уборка полностью ложится на плечи Купидона, и потому в квартире царит постоянный бардак. Раз в неделю троюлька выбирается в магазин за продуктами и новыми платьями для их глупой блондинки. Вся женская одежда смотрится на ней безобразно, но Мэрилин настойчиво скупает изящные костюмы, расшитые пайетками. Не обходит она и шляпки с загадочной вуалью, бесконечно выбирает новый блеск для губ, подчёркивающий её хрупкость и нежность.

– Мне нужен блестящий светло-розовой, – нараспев говорит она и пропадает в лабиринте ароматов и витрин.

Лох бледной тенью шатается за Купидоном, чуть ли не поклоняется ему и суетливо изливает благодарности, когда получает чистые стрелы и, тем более, чистый порошок.

– Спасибо, друг, – мямлит он своим тихим тающим голосом, – спасибо, – повторяет он и уединяется, где придётся.

Лохматый не может представить лучшего расклада и живёт только моментами дивных просветлений. Всё остальное время он эти моменты ждёт. Несколько раз на дню он парит, качается в облаках, поедает их, словно сладкую вату, катается на единорогах и смотрит на медведей в цирке. На слонов на фонтане. Завороженно глядит на брусничного цвета кровь, замороженно выдавливает свои угревые гейзеры, зависая перед зеркалом, и также замороженно раскачивается в объятиях любви. Часто Лох чешется и, если Купидон задерживается, начинает нудить и требовать Мэрилин, чтобы она отдала то, что своровала.

– Пожалуйста, Мэри, верни мне сахарок, – просит он, – он же калориен. Зачем тебе калории? – ласково бормочет Лохматый, глядя девушку по спине и по ногам-иглолкам, надеясь нащупать заначку. Или, по крайней мере, подкупить её лаской, но девушка только непонимающе хлопает накрашенными веками, словно крыльями яркой бабочки.

Набоковская бабочка

Жизнь в доме Купидона оказывается не такой уж и плохой. Единственное, что раздражает, так это его постоянные нотации в духе «советов от бабушки» а-ля:

«Детка, не занимайся самоедством».

Или:

«Детка, будь объективной».

Или:

«Детка, будь разумной».

Или:

«Детка, будь».

Морали читать может каждый первый незнакомец со двора. Всегда легко занимать правильную позицию, когда не касаешься ситуации. Когда ходишь в стройном аппетитном теле. Когда жрёшь, сколько влезет, и не раздуваешься в боках. Когда не похож на ходячий кусок теста.

Наивный Купидончик – считает, что может меня спасти. Что меня вообще надо спасать. Почему-то ему не приходит в голову, что я не хочу быть спасённой. Тратит уйму времени, заставляя есть гадкую кашу пятидесяти оттенков серого. Пить молоко. Жевать рис. Покупает спелые бананы. Готовит форель на овощной подушке. Изобретает полезные смузи. Хренов кулинар. Хренов соблазнитель. Как будто я не лопаю во снах мягкие баранки и тёплые блинчики с мёдом. Как будто не разглядываю фотки с разными вкусами. Рулетами с кремом. Бутербродами с джемом. Спагетти с креветками. Как будто не представляю мармелад с сахаром. Картофельное пюре с тефтелями. Румяные сырники с хрустящей корочкой. Оладьи со сметаной. Как будто не вспоминаю, лёжа в постели, пиццу с плавленым сыром. Макароны с курицей. Вафельные трубочки. Пряники, посыпанные пудрой.

Мне приходится отказываться от всех этих быстрых углеводов, белков и жиров. От жидкого шоколада. От клетчатки и витаминов. Зато я могу примерять самые узкие плапочки и юбки. Всё, что меня смущает – это исчезнувшая грудь, но её всегда можно создать искусственным способом. Заснуть шары газеты в бюстгальтер. Надеть силиконовые накладки. Прибегнуть к пластической операции.

С каждым приёмом пищи мой мозг становится всё изощрённее. Всякий раз, идя за стол, беру с собой славную сумочку с пухом. Когда Купидон отвлекается на Лоха или просто отворачивается, со скоростью света соскребаю содержимое тарелки в клатч и принимаюсь работать челюстями. Если план А не действует, приступаю к запасному алгоритму действий. Словно шкодливый хомячок, запихиваю как можно больше еды в рот, мелко-мелко разжёвываю её и делаю вид, что глотаю. Если под рукой нет салфетки, то ступаю в туалет и сплёвываю густую смесь в унитаз. Нажимаю на кнопку спуска. Часто выдумываю, как перекусывала в кафе, возвращаясь из супермаркетов. Как покупала мороженое в нашем ларьке. Рожок с воздушными белыми сливками и красными спиральками или вкусно пахнущее эскимо. Но одним из главных моих оружий является раннее пробуждение. Если удаётся проснуться раньше всех, то тут же крадусь в кухню и начинаю тихо шуршать в холодильнике. Очищаю банан и выбрасываю кожуру в мусорное ведро в качестве улики. Саму ягоду прячу в целлофановый пакет, к ней добавляю порцию творога. Затем засовываю прозрачную пиньяту в бежевую сумку покрупнее. Когда предоставляется удобный момент, выбрасываю её в мусоропровод. Делов-то.

Порой мне надоедает Лох. Отвратительный тип с грязным мерзким лицом. Когда смотришь на что-то приятное, к примеру, на свежие эклеры, то зрачок увеличивается. Когда смотришь на Лоха, то зрачок превращается в микроскопическую точку. Или исчезает вовсе.

Мы с ним предпочитаем друг друга не замечать и не разговаривать. Впрочем, однажды, уже в октябре месяце, эта сыпь собирает нас с Купидоном вместе и приглашает в гости к некому Андерсену, чтобы выполнить срочное дело. Я с трудом таскаю свои тридцать пять килограммов, но на тусу соглашаюсь пойти. Не могу же я лишиться себя перспективных знакомств и возможностей оказаться под сиянием софитов.

Встреча офлайн

Промозглая стылая улица грозитя проглотить тебя и переварить без останков. Под стоптанными кедами чавкают мокрые, распластанные по дороге вымазанные листья. Мимо проезжают пыльные жуки-автомобили, похожие на компьютерных мышей, разве что без проводов. Из наушников льётся попса, в горло льётся «Cola Zero», что продавалась по скидке. Небо разъедает соль от чипсов «Leu's» со вкусом зелени и сметаны. В зубах забиты их крошечные осколки. Пальцы и губы лоснятся от масла. Дали норм. Атмосфера налита тяжёлой удушливой влагой так, что верхние этажи скрывает липкий туман. Дважды Дали сбивается с пути, но с помощью синих этикеток с номерами домов находит нужный. Скромная убогая пятиэтажка лепится возле высоких зданий. Те словно грозятся раздавить её, но так и не двигаются с места. Вкопанные исполины. Монолитные великаны.

Хоть парень и выходит рано, но добирается до друзей в последнюю очередь. Видимо, их мерки «рано» чуточку разнятся.

– Здравсте, – снимая джинсовку и вытирая руки о хвойный свитер, шепелявит он.

– Здорово! – с напущенным энтузиазмом хлопает его Андерсен. – Проходи, знакомься, – говорит он, – это Купидон и Мэрилин – новые приятели Лоха.

На диване, какие обычно стоят у бабушек, сидят миловидный белобрысый паренёк с кукольными чертами лица и больная анорексичка с сухой соломой вместо волос. Чтобы не смущать девушку, Дали отводит глаза, как поступают все учтивые моралисты, встречая колясочников или аутистов в общественных местах. Обои больше напоминают раскисшую газету, мебель годится на съёмки фильма ужасов для какой-нибудь заброшки или чердака. В придачу ко всему сквозь квадратное окно в кубик комнаты заползает дымчатая пелена с неба.

– Ну, так что у тебя стряслось? – без обиняков спрашивает Дали, переминаясь с ноги на ногу и запихивая наушники в карман.

– Значит, так, – пускается в объяснения Андерсен, – вам это может показаться полным абсурдом или околесицей, но я решил взяться за перепись романов, создавших образ несчастного духовно богатого героя, которому стремится подражать вся аудитория. Дали, ты оказался прав, – как бы в скобках добавляет он. – Только один я не потяну такой массив работы, поэтому хотел бы заручиться вашей поддержкой. Исправлять будет несложно, так как есть опора на текст. Писать сызнова вас никто не заставляет. Вначале всегда задуманное кажется неосуществимым, но с каждым шагом цель выглядит всё реальнее и ближе. Давайте только начнём, поглядим, как развернётся дело? – кратко излагает причину сбора парень.

– Нудятина, – реагирует анорексичка.

– Не вижу резона этим заниматься, – добавляет Лох.

– Да что с вами со всеми? – по-доброму вспыхивает Андерсен. – Где ваша вера? Я же прошу только попробовать! Вам нечего терять! Вы же погружены в монотонность будней, вы болтаетесь в океане серой бессмысленности! Бежите от пресной реальности, заменяете её жалкими суррогатами. Я предлагаю вам дело, которое может вдохнуть в вас интерес, предать жизни насыщенность, зарядить вас энергией, да хоть немного встряхнуть! Давайте держаться вместе и выручать друг друга. Не ради себя соглашайтесь – ради друзей, – толкает целую речь Андерсен.

– Меня не от чего спасать, – упорно повторяет анорексичка с соломой на голове.

Дали считает также, но слепота девушки помогает прозреть ему. Её зависимость очевидна всем, кроме неё самой. Возможно, для окружающих Дали закован в кандалы телемании. Погрузившись в себя, никто не замечает плотной говорящей тишины. Когда всё же затянутая пауза начинает действовать на нервы, в разговор вмешивается Купидон:

– У тебя добрые помыслы, малыш, – медленно гнусавит он, – но нам вряд ли удастся провести переворот. Вспомни о фильмах и электронных вариантах, подумай о других странах и хоть маленько пораскинь мозгами.

– Препятствия есть в любой задаче. Для того чтобы наши повести заметили, нужно просто уничтожить все исходники. Спалить их, заблокировать, удалить, – тараторит Андерсен. Внезапно он щёлкает пальцами и выливает свежую порцию задумок: – Ты, Дали, можешь взяться за все книжные сайты! Выведи из строя все приложения и прочее в этом духе. У тебя ведь есть способности, а? – с надеждой замирает он.

– Ну, я, конечно, могу поковыряться, но ничего не гарантирую, – рассеянно мямлит очкарик в хвойном свитере.

– Отлично! – облизывается Андерсен. – Давайте сплотимся в команду и разделим обязанности, – приплясывает он. – Дали займётся выводом из строя всех литплощадок, я с кем-то из вас буду корпеть над переделом, а оставшаяся пара уничтожать бумажные издания.

– Ну ты и загнул, – ошарашенно моргает Лох.

– Возможно, процесс затянется на поколения, но мы хотя бы положим начало новому тренду. Кто за? – весело подводит итоги Андерсен, но вместо леса рук виднеются одни пни. Лишь спустя минуту-другую вверх неуверенно поднимается ладонь Дали, а за ней и Лоха. Вскоре в воздухе оказываются фарфоровая ручка Купидона и косточка Мэрилин с накрашенными ногтями. – Вы просто чудо! – не веря своим глазным яблокам, произносит Андерсен.

Из сердца вон

Из отбросов социума, из неудачников и слабаков собирается пятиглавая группа с размытыми очертаниями целей. Вялые, неуверенные в себе ребята бесталанно толкаются в узкой комнатухе, осторожно оценивают друг друга и тайно хотят улизнуть. Мэрилин изголодалась по взвешиваниям, Дали испытывает острую нехватку телевизора, Лохматый косится на Купидона, а Купидон не спешит одаривать его ключиками от дверцы в страну Чудес. И только Андерсен радуется за всех, негласно занявший позицию вожака. На нём одном держится сплочённость их коллектива. Конечно, с новобранцами он чувствует себя не совсем уютно, не знает, как следует к ним обращаться, и не может вести себя максимально открыто. Мэрилин настолько плоская, что прекрасно подходит на роль закладки. Купидон хоть и выглядит невинным дитём, чем-то выдаёт своё старшинство. Несмотря на нежные замашки, присущие геем, у него имеется некий стержень, обозначающий твёрдость характера. Спустя несколько минут беседы Андерсен уже набрасывает примерные паттерны поведения с каждым из гостей.

– Купидон, ты не мог бы состряпать нам парочку бутербродов, пока мы занимаемся вводной частью?

– Не вопрос, – пожимает плечами блондин и, явно довольный, удаляется в кухню греметь ножами.

Тем временем на бабушкинском диване, хлипкой тумбе и шатком столе увеличиваются горы книг, вытряхаемые из всевозможных вместилищ. Коморка задыхается от пыли, Монро звонко чихает, сжимаясь всеми своими маленькими органами девятилетней девочки, и дружно принимается решение открыть окно. Только вместо свежего потока в кубик вкатывается перламутровый туман так, что нормально видеть становится фантастичным. Даже тёплый, почти оранжевый свет ничего не меняет.

– А вот и ланч, – подражая вежливым стюардессам, возвращается к ним Купидон с подносом в руках. Только возникает одна мини-проблема: для подноса не находится места. – Ничего, ваш покорный слуга стерпит функцию держателя, угощайтесь, – мягко улыбается парень.

– Премного благодарен, – подмигивает ему Андерсен и, отряхнув руки, выбирает прямоугольник хлеба с полусваренным яйцом.

Дали, не глядя, хватает сэндвич с ветчиной и тут же уписывает его. Лох, видно, не собиравшись прикоснуться к еде, но посчитал за честь принять заботу Купидона.

– Мэри, специально для тебя я изобрёл фруктовый ролл, – наклоняется он к девчонке в пышной юбке не по сезону.

– Спасибо, я пас, – холодно отказывается она.

– Но я же так старался, – не унимается Купидон.

– Отвали, – злобно рычит Монро, и общий настрой скатывается до отрицательного числа. Парням, жующим бутерброды, становится неудобно чавкать в накалившейся тишине.

– Послушайте, так нельзя, – поднимаясь, говорит Андерсен, – я вижу, что мы сами себя дурачим и пытаемся изображать счастье. Репетировать его. Только для кого? Давайте не будем создавать искусственное напускное веселье. Не будем браться за работу, пока как следует не потолкуем и не снимем напряжение. Лучше выплеснем все свои эмоции, признаемся в самых страшных грехах и стыдных поступках. Отпустим все мрачные воспоминания. Освободим себя. Выслушаем друг друга. Не бойтесь откровений, здесь мы все равны, – изрекает он, и, если бы сейчас снимали фильм, то на фон непременно бы поставили стрекотание сверчка. – Ладно, – не сдаётся парень, – я обычный подросток. Мои родители развелись, когда мы собирались идти в аквапарк. Всю жизнь меня игнорили и относились как к предмету. Недавно я разочаровался во всём, что имело хоть какой-то смысл. Я одинок и никому не нужен. Мне кажется, что я изолирован, что никто меня не понимает. Всё, чего хочу добиться, обречено

на провал, но я не сдаюсь и безрезультатно продолжаю долбиться об лёд. Звучит, как набор клише, и оттого мне ещё хуже. – Разгорячившейся Андерсен останавливается.

После его признаний молчание расценивается как моветон, поэтому голос подает трясущийся Лох:

– Меня жутко лихорадит, и мне надо срочно догнаться новой дозой. Я абсолютно зависим от волшебного порошка и каждый час представляю успокаивающие таблетки, каждую минуту благодарю Богов, что имею возможность погружаться в счастье так часто, как мочатся старики, страдающие недержанием. Я скрываюсь от серой жизни. У меня просто нет повода жить и чем-то заниматься. Ничто не вызывает впечатлений: ни радости, ни боли, ни интереса, ни волнения. Время тянется пустым унылым поездом. Чтобы хоть как-то его убить, безостановочно давлю угри, свои миниатюрные домашние гейзеры. Сплю так плохо, словно знаю всё на свете. Мой главный страх – не пробиться к венам сквозь деревянную кожу. Главная мечта – навсегда остаться в сказке, – монотонно блюет словами Лох.

Теперь тёмно-пепельный сумрак как нельзя лучше соответствует ситуации и позволяет глубже проникнуться откровениями, глубже копнуть в прошлое.

– Я Мэрилин Монро, и меня ждёт особенная судьба. Единственной преградой, мешающей достигнуть всеобщего обожания, является отвратительная фигура. Я никак не могу избавиться от лишних килограммов и желания съесть что-нибудь калорийное. Смородиновый пирог. Хрустящую жареную картошку с грибами. Ароматную солянку с лимоном. Глазированный сырок. Я устала терпеть и постоянно ущемлять себя. У меня нет сил передвигаться. Я стала часто падать. Голос сделался тусклым и слабым. Кожа растянута и суха. Я уродлива. На меня никогда не посмотрят как на красивую сексуальную женщину. Никто не захочет увидеть мой миленький клитор. Облизать мой миленький клитор. Кончить на мой миленький клитор. Мне никогда не попасть на обложку гёрлжурнала! – срывается на рыдания Монро. – У меня нет груди! У меня нет ресурсов бороться с раздражающими уговорами и нотациями «Скушай то, скушай это». Меня считают полной debilкой и розовой пустышкой, а я живой человек, который просто хочет попасть на обложку журнала, чтобы его любили и гордились! – уже всю распускает слюни Мэрилин так, что они заполняют её рот и мешают ворочать языком.

– Люди выглядят красиво, когда здоровы и полны жизнелюбья... – осторожно начинает Андерсен.

– Да отстань ты от меня! – рывкает девушка, размазывая сиреневые тени.

– О'кей, пупсик, ты пока очухайся, а я соскребу инфу о себе, – поёт Купидонова улыбка. – Я Бог любви, и моя миссия – дарить малышам покой. Дарить малышам тепло. Дарить малышам ласку. Если сказать по-простому: я наркодиллер, – смело завершает фразу Купидон, и, к его удивлению, не сталкивается с осуждающими взглядами или библейскими заповедями. Все действительно относятся друг к другу одинаково. – Что ж, – продолжает он, – мои немного странные повадки достались мне от дорогого доброго папочки, который очень меня любил. Очень-очень, – горячо произносят его пухлые губы. Если бы снимали фильм, то определённо взяли бы их крупным планом. – Он так пылко любил своего ангельского мальчика, что не мог удержаться и не... – сохраняя интригу, делает паузу блондин, – вставить ему. – Губы так близко прижимаются к камере, что проглатывают её.

В следующем кадре умещается Дали.

– Я даже не знаю, что это... сказать, что ли, – втягивает сопли, – я просто смотрю телевизор. Нравится, когда иллюстрируют рекламу. Когда много бутылок Колы, – уточняет он и внезапно останавливается.

На этом его исповедь завершена.

Безмолвие смешивается с кефирным туманом, забиваясь во все углы и крепко связывая компанию. Мы, думает Андерсен, поколение тех, кто мастурбирует на шприцы, дронит на плазму, кончает на глянцевые журналы и поклоняется меланхоличной классике. Тех, кто спус-

кает деньги на шмотки и выпивку, кто прожигает свою молодость, но где-то в глубине своей маленькой банальной души желает обрести независимость и стать здоровой личностью.

1

Turn on, tune in, drop out

Невероятно, но пятиглавая банда умудряется заночевать в Андерсеновой шкатулке. На ум сразу же приходит сравнение с детской байкой «Теремок», только в её конце звери строят более большой просторной дом, а наши герои даже не подумывают увеличивать свои хоромы. Втискиваются на экспрессивно смятой кровати, делят между собой разваливающийся диван и прекрасно проводят ночь. Наутро набивают животы тем, что находят в холодильнике. То есть прокисшим молоком, твёрдым хлебом с колбасой и сухими хлопьями.

Купидон совершает акт благородства и, словно фокусник, неведомо откуда достаёт для Лоха и стрелу, и лекарство.

Лох зависает в вертикальном параллелепипеде туалета, добавляя новую точку в свою коллекцию, а потом залипает перед зеркалом, запачканным то ли слюнями, то ли зубной пастой, то ли спермой.

Мэрилин, несмотря на слабость, отправляется в магазин за весами, проклиная всех парней за их непроницаемость.

Дали уже возится с компьютером, устанавливая любимую игру.

В такой веренице мелочей и проскачил бы пасмурный осенний день, но Купидон решает развлечь своих компаньонов – конечно, без их ведома и, тем более, разрешения – и развлечься сам.

Молодой гуманист, не выдерживает столь скверного зрелища, в котором маленькие ребятки морят себя скукой, поэтому, вылив остатки молока в поцарапанные кружки, принимается химичить. Выудив из кармана целлофановую упаковку и вытряхнув на ладонь несколько пилюль персикового и бирюзового цветов, делит их на пять порций, после чего маленькие кругляшки плюхаются в млечный напиток.

По истечению пары минут препараты растворяются полностью, и Купидон входит в тесную комнату, прижавшись спиной к дверному косяку. На нём привычные горчичные штаны и розовая рубашка.

– Дамы и господа, прошу вас освободить бокалы, – гордо оглашает он, несмотря на то, что никаких бокалов не держит.

Вялая молодёжь устало принимает подношение и без вопросов вылакивает коровий дар. Только Мэрилин отрицательно качает головой. Предвидя эту ситуацию, белоснежный красавец незаметно протягивает даме таблетку со словами «Для сжигания жира, мисс», и ладонь махом пустеет.

– Спасибо, – смачно срыгивает Дали, возвращая кружку.

– Не за что, пупсик мой, – причмокивает Купидон.

Услышав эту фразу, Лох ревностно и грустно обводит парочку взглядом, но, вздохнув, ничего не говорит. Свою порцию Купидон опрокидывает в желудок вместе со всеми и сейчас уже прислушивается к возникающим ощущениям. Интрига так и светится в его лукавых глазах, но вскоре её сменяет вспышка озарения.

Он вдруг отчётливо осознаёт, что вовсе не является человеком. Вся его текущая размеренная жизнь представляла собой сплошную иллюзию и самообман. Один долгий эфемерный сон, что может развеяться от любого чиха или хлопка. Никакого Купидона никогда не существовало. Всё материальное было придумано им самим. Тем, кого никогда не было. Следовательно, реальность тоже теряет свои права. Удивительным образом предметы рассыпаются на

¹ Turn on, tune in, drop out (Включись, настройся, выпадай) – фраза доктора Лири, превратившаяся в девиз сторонников употребления психоделиков.

мелкие яркие молекулы, едва отличимые частицы. Красными, жёлтыми, зелёными искрами взлетают к потолку стулья. Ворс ковра, словно горстка песка, кружится в воздухе. Протёртые занавески лёгкой метелью улечиваются в небытие. Комната несётся в музыкальном хороводе, закручивается в эпицентр Абсолюта. Пол, на котором лежат пятеро ненастоящих тел, скрюченных в позе эмбриона, превращается в пыль. Всё стремительней и стремительней тает жизнь, стираются отпечатки, и Земной шар превращается в мячик для минигольфа, падающий в бездонную лунку. Дух вытворяет такие виражи, словно катается на американских горках без ремня безопасности. Безумный танец сливает их в одну огромную фигуру, сцепляя между собой конечности, объединяя тела, и когда их глотает беззубый рот Чёрной дыры, становится ясно, что в туннеле вращается только отрезанная по локоть рука. На каждом пальце возвышаются головы, напоминающие древних славянских идолов.

Купидон, опасливо озираясь по сторонам, обнаруживает себя средним пальцем, единственным гордо вытянутым вверх. Его сосед справа – Андерсен, а слева прижимается безымянный Лох. На тоненьком мизинчике узнаётся пышная причёска Мэрилин, а на большом, по-геймеровски согнутом персте, тарашится очкастый Дали.

Кафка в комнате

Лох ошарашенно озирается по сторонам, пытаясь понять, где они находятся. Все пятеро друзей хором словили какой-то трип, долго кувыркались на сверкающих гирляндах, любуясь мерцающими огнями и звёздной крошкой, а затем оказались в строгом заведении. Длинная кишка коридора течёт до самого горизонта. Её бока уродуют бесчисленные двери с номерами без закономерности. Общение происходит телепатически. Хоть никто из присутствующих не успевает издать и звука, уже все обмениваются своими догадками.

Дали заверяет, что они попали в рекламное агентство, Мэрилин Монро с пеной у рта доказывает, что оно модельное, а Андерсен внимательно изучает пронумерованные таблички. По его наморщенному лбу можно заключить, что внутри черепа происходит усердная работа мысли.

Лох же, словно пятилетний, прижимается к Купидону и болезненно щурится от ослепительного света.

«Может быть, это Рай?» – безмолвно произносит он.

«Какой Рай, идиот?! Нам всем уготовлена дорожка в Ад!» – ставит ему подзатыльник Дали.

«Детка, не будь пафосным», – правильно замечает Купидон.

«Тихо вы! – толчком энергии прокатывается Андерсеновский крик. – Кажется, я понял, где мы очутились, – таинственно гремит его идея, – вы только поглядите на эти номера, – продолжает рокотать вибрация, – VIII век до нашей эры, VII... идёмте дальше», – взмахом руки приглашает он, и вся группа движется по фарфоровому паркету.

Закрадывается впечатление, что шагать так они могут бесконечно. Время, как и расстояние, пружинкой то растягивается, то сокращается вновь, и неясно, сколько минут или лет они проводят в этом бумажном макете. Порой они натываются на извилистые лестницы и резкие повороты, и только кабинетам всё нет конца.

1745-1792... 1799-1837... 1809-1852... 1814-1841... 1818-1883... 1821-1881... 1828-1910... 1860-1904... 1868-1936... 1884-1937 – скользят узнаваемые даты.

«Это ведь годы жизни русских писателей! – восклицает Андерсен. Наткнувшись на знакомые цифры, он окончательно убеждается, что на других этажах размещаются залы авторов Запада и Востока. – Вы хоть представляете, какую гигантскую птицу удачи мы только что поймали?!» – ахает юноша, но, к разочарованию, не зрит отражения своего восторга на лицах товарищей.

Любопытство алым факелом пляшет в его глазах, и его азарт начинает передаваться Лоху.

«Ты хочешь проникнуть в эти комнаты?» – изумляется Лохматый. Лично ему не очень-то хочется впутываться в странные ситуации.

«Именно, – эхом отзывается Андерсен, – и вам рекомендую поступить точно так же», – завороченно добавляет он, отдаляясь и не оборачиваясь. Спустя один дрожащий вздох он скрывается за прямым углом поворота, и компании ничего не остаётся, как разбрестись по стерильно чистому лабиринту.

В одиночестве Лох чувствует себя так неуверенно, словно идёт на операцию по удалению какого-нибудь жизненно важного органа. Внутри живота плещется холодная липкая слизь, руки становятся мокрыми, а лоб покрывается испариной. Лохматый давно не ориентируется в пространстве и не имеет понятия, куда ведут его ноги. Плюнув на всё, он поворачивает первую попавшуюся ручку, над которой знаменуются цифровые закорючки «1883-1924», и оказывается в непривычно тёмной комнатёнке.

В её центре стоит худой, болезненный с виду господин, делающий гимнастику. На стене изображается какая-то пернатая тварь вроде галки. Завидев Лоха, господин прекращает при-

сесть и махать руками и поворачивается в его сторону. Из-под густых бровей на него строго глядят глубоко посаженные глаза, и в следующую секунду ладонь Лохматого сама ползёт к распахнутым губам. Перед ним стоит сам Франц Кафка, только не во плоти и, судя по всему, не в духе.

«Я же завещал сжечь все мои работы!» – обрушивается шквал гнева на первого живого встречного. От яростного приветствия и столь культовой фигуры Лох совсем теряется и только сглатывает целое болото слюней.

«Но вы стали очень известным», – робко вставляет прыщавый юноша, заранее жмурясь и ёжась.

«А, может быть, я не желал становиться известным!» – смахивает стопку писем Кафка.

«Как же его задобрить?» – лихорадочно соображает парень, забыв, что коммуникация происходит на метафизическом уровне.

«Ты, видно, хочешь превратиться в насекомого!» – угрожающе гаркает писатель.

«Что вы? Нет, сэр, – заикаясь, лепечет Лохматый. От противного страха сердце вместе с печенью и другими органами уходит в пятки. Уж лучше бы их удалили под наркозом, досадует парень. – Я лишь пролетал мимо», – пытается объяснить Лох, но его речь сменяется невнятным стрекотанием, хитиновый панцирь опоясывает тело, а вместо привычных конечностей семят маленькие тоненькие лапки-жгутики.

Лох смертельно болен.

Зверь 666

Пустота давит на мозг, освобождая симптомы паники, но я не теряю голову. Коридор тянется, словно спагетти. Даже жизнь имеет много общего со спагетти. Она долго длится, но всегда заканчивается. Стук каблуков гулко отталкивается от стен, и с каждым шагом движение даётся всё труднее, поэтому я захожу в самое ближайшее комнатное горло с номером «1875-1947». Надеюсь, внутри найдётся местечко, куда я смогу присесть. Ну, кожаный диван или мягкий пуф. Только внутри меня поджидает пугающий лысый мужчина с толстым голым брюхом. Он лапает меня безумными пучеглазыми глазами, сидя в позе лотоса. Перед ним лежит колода пёстрых карт рубашками вверх. Рубашка эта обозначается красочным крестом, в центре которого помещается разноцветная роза.

«Вы кто?» – вздрагивая от неожиданного ужаса, отшатываюсь я.

«Зверь 666... – исторгается из самого чрева полуобнажённого мага.

Его дряблые щёки и морщинистый лоб заставляют зрачок сужаться до неприличных размеров. Вся обстановка, наполненная различными символами, нагоняет ауру загадочности. Повсюду лежат кучки белого порошка, словно слои первого невинного снега, а у его мясистого локтя возвышается чаша с кошачьей кровью. – Также известный как Алистер Кроули», – представляется мужчина.

Только я вижу его впервые и до встречи не знала совсем, отчего душу щекочет неловкость.

«А что у вас за карты?» – пишу я для развития беседы.

«Это карты Таро Тота, – гнусавит толстяк, – но я не намерен тебе гадать. Лучше садись подле меня да слушай истину», – командует. Я подчиняюсь, но лишь потому, что едва держусь в вертикальном положении. – Каждый смертный имеет истинную волю, которую стремится познать. Именно в ней заключается весь смысл, но, чтобы этот смысл постичь, человек должен освободиться от бессознательного влияния и впустить его в пределы осознаваемого. Не подавляй свою сексуальную энергию и делай то, что изволишь. Таков весь закон», – мирно и монотонно поясняет Кроули.

«Но как услышать, понять свои настоящие желания? – спрашиваю я, копаясь в памяти. – Дело в том, что я совсем запуталась в привычках и никак не могу освободиться от деструктивных внушений» – вспоминаю, как изъяснялся мерзкий психотерапевт, обещавший выбить из меня всю дурь. До сих пор гадко думать, что он интересовался моим циклом и навязывал секс-озабоченность.

«Кто-то стремится провести дни максимально эффективно, подчиняясь западной идеологии, а кто-то отдаётся безмятежному восточному созерцанию. Кто-то видит своё предназначение в служении и любви, а кто-то в постоянном развитии. Отправляйся на поиски себя. Отпускай приевшиеся идеалы. Нащупывай нить к свободе, ибо только свободный может исполнять волю свою. Учти, что дороги изменчивы. Как только начнёшь замечать, что цель утрачивает раннее присущий блеск, не цепляйся за неё. Терпи пытки моральной ломки, открывайся новым возможностям и твори то, что считаешь нужным. Не обманывай себя. Отделяй правду от кривды и следуй за зовом сердца».

Не знаю, был ли это зов, но я выхожу из подозрительного сатанистского угла и волокусь навстречу манящим творожным шарикам в шоколадной глазури. Как новоиспечённый матрос на вой Сирен. Как мышь в мышеловку с сыром.

О дивный новый транс

Дали ковыляет в трубе цвета овечьей шерсти и никак не может взять в толк, что с ним творится. Мысли спутаны, словно наушники в кармане, что, впрочем, совсем неудивительно, поскольку до этого дня Дали не имел подобного опыта путешествий. Во времени? В измерениях? Ровность и гладкость помещения нервирует юношу, и ему всё сильнее хочется вернуться в зону комфорта. Усесться по-турецки перед телевизором, отхлебнуть Колы и отстраниться от сложных размышлений. Белизна уже режет глаза, Дали болезненно щурится и, чтобы поскорее закончить это путешествие, отворяет дверь с надписью «1894-1963».

В мгновение ока перед ним вырастает огромный книжный шкаф, окутанный тёплым глухим светом. Стоявший у стены стол покорно держит на своей спине огрызки карандашей, исписанные тетради, на минуту снятые очки и всякие учебники. В кресле, слегка качаясь, отдыхает опрятный, интеллигентный с виду мужчина. Его руки покоятся на коленях, а волосы зачёсаны назад. Дали чувствует себя сконфуженным, что застал человека не в самое подходящее время, и уже собирается выскочить обратно, но тут интеллигент опоминается и, встрепенувшись, ловит Дали взглядом:

«Кто, кто вы?» – всё ещё приходя в себя, бормочет он, нащупывая рукой очки. Когда те подворачиваются под пальцы и уютно устраиваются на носу, то и сам мужчина обретает уверенность.

«Да так, никто, – отзывается Дали, гадая, как лучше себя вести. Всё-таки души, наверняка, усопшие. Если обидятся – проклянут или, того хуже, кирпич на голову сбросят. – Позвольте спросить, – удивляясь своей новой манере речи, повышает интонацию подросток, – чем вы тут только что занимались?» – он застывает от волнения. Вдруг наступил на мину?

Но лицо собеседника смягчает благосклонная улыбка, и по комнате разливается спокойный голос:

«Я входил в транс, – поясняет он, – обычно после этого мне легче пишется. Иногда я погружаюсь в глубокую рефлексию, достигая тем самым полного расслабления, но не теряя восприятия реальности. Под влиянием гипноза я же это восприятие утрачиваю и обнаруживаю, что стаю на дне широкой ямы. Перед собой вижу голенького младенца на бархатном песке, которого с любопытством разглядываю. Он начинает расти: начинает ползать, учится ходить, играет, разговаривает. Самое интересное, что я ощущаю его субъективный опыт, сочувствую и сопереживаю ему. Я следую ему в искажённом времени через множество ситуаций, когда тот поступает в школу, встречает юность, и, наконец, замечаю, что ребёнок превращается в молодого мужчину – меня. Теперь я ясно воспринимаю себя не только как пятидесятидвухлетнего, но и как двадцатитрёхлетнего: оба пытаются определить, кто из них настоящий, и у обоих одновременно возникают одинаковые мысли. Прошло много лет, прежде чем я овладел самогипнозом», – откровенно делится незнакомец. – Оу, – спохватывается он, – совсем забыл представиться. Я Олдос Хаксли, писатель».

«Ясно», – протягивает Дали. Это имя ни о чём ему не свидетельствует, и потому не возникает запоздалого преклонения или фанатизма.

«Как же вы ко мне забрели?» – вскидывает брови Хаксли.

«А я и сам без понятия», – пожимает плечами Дали. Может быть, он заблудился? Или засмотрелся? Или вовсе потерял грань между мирами?

«Раз вы всё-таки здесь, то смею предложить вам погружение в гипноз. В этом деле меня натаскал сам Милтон Эриксон. Мы занимались вместе, когда ещё не сгорела моя библиотека...» – погружается в воспоминания философ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.